

Нати́г РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

(Продолжение. Начало № 2)

В девять лет Насиб влюбился в девочку из своего класса. Он был самым высоким среди мальчиков, и девочке это нравилось, но странно выражалось ухаживание со стороны Насиба за предметом своей любви. Он грубо прогнал мальчику, который сидел с ней за одной партой, уселся рядом и принялся молча поглаживать ее по плечу и покусывать ей ухо - так он выражал свои чувства, не умея выражать их словом. Девочка перепугалась, пожаловалась учительнице и та пересадил Насиба за дальнюю парту, но он снова и снова возвращался к девочке, рядом с которой место было теперь свободно, потому что с ней боялись сидеть даже ее подружки, зная, что Насиб не будет церемониться ни с кем, кто сидит с его пассией, а просто стащит их с парты. Он садился и снова молча покусывал ей ухо, она отстранялась, кричала, пожаловалась матери, и Насиба в конце концов перевели в параллельный класс, но снова и снова как верный пес, выгнанный из дома, он возвращался и садился рядом с девочкой, изливая как умел свои чувства. Тогда заметив уже явную странность в поведении Насиба, учителя посоветовали его матери перевести его в специальную школу для неадекватных детей, но мать мальчика не прислушалась к такому совету, перепугалась, поговорила с мужем, который был плохим советчиком в подобных делах, но не стала предпринимать никаких радикальных шагов.

Чем ниже опускался Насиб, чем больше он становился изгоем, тем больше казалось ему, что он приобретает авторитет среди ребят своей шайки.

И вот им заинтересовались воры в законе, что было, впрочем, неизбежно: им всегда требовались талантливые, исполнительные парнишки, которыми можно было бы манипулировать по своему усмотрению.

Пора, однако, вернуться к самому началу, когда пятилетний мальчишка стал изучать окружающий мир и старался сознавать себя как личность.

Этим летом отец, поднакопив денег, снял в селе Бувовны, недалеко от моря дачу, точнее - не всю дачу, а одну комнатку у хозяев, живших в этом доме круглый год; хотелось, чтобы малыш купался в море, поел бы великолепного винограда "шаны", которого

нигде нельзя было найти, кроме как в Апшеронских селах, чтобы окреп, загорел и был бы не таким флегматичным и вялым, каким он казался родному отцу. Жили дружно с хозяевами, делились обедом, сидели за ужином за одним столом, когда мужчины возвращались с работы. Малыш научился плавать, отец, не ожидая, когда он соизволит сам учиться, отбросив всегдешнюю лень и вялость, просто кинул его в воду, однако зорко следил за ним и не отходил ни на шаг, мать закричала что-то сердито с берега, но беспомощное барахтанье в воде постепенно превратилось в неумелое пока плавание, и в дальнейшей, все больше выпрямляясь под наблюдением отца, испуг от первого опыта уже не повторялся, и мальчику даже настолько понравилось плавать в море, что он хныкал, когда надо было возвращаться на дачу.

Однажды к хозяевам приехал провести свой отпуск гость, двоюродный брат хозяйки, это был мужчина тридцати пяти лет, и служил он в милиции. Время от времени он навещался на работу, в районное отделение милиции, которая находилась в этом же селе, но большей частью лежал обычно на веранде, на раскладушке, много ел, чесал волосатую грудь с татуировкой Стали-

на, храпел во сне и днем и ночью, был говорливым хвастуном и все порывался рассказывать Вахиду, отцу мальчика, как он ловил бандитов в соседнем селе, щедро разукрашивая крупницу были огромными пластинами примитивной фантазии. Вахид невзлюбил его, но делать было нечего, ведь они фактически были в гостях, а значит в какой-то степени и у этого болтливого милиционера, он старался по возможности держаться подальше от новоприбывшего жильца, и тот, наконец-то, почувствовал неприязнь малоизвестного квартиранта.

Однажды, когда маленький Насиб среди бела дня проходил по веранде в комнату, где они жили, милиционер вдруг проснувшись, глупо хихикая вытащил из кармана и погрозил ему пистолетом, табельным оружием, которое он не всегда сдавал в отделение, а забирал с собой, на что начальство смотрело сквозь пальцы. Насиб, увидев пистолет, остолбенел, перепугался так, что даже крикнуть не мог, отец был в городе, на работе, в комнате мать готовила на керосинке обед и ни о чем не догадывалась. А милиционер, будто бы шутя, не переставал грозить малышу пис-

ЗАГАДОЧНАЯ

толетом. У Насиба задрожали ноги, он весь обмяк, невольно струя горячей мочи полилась по ноге, и дико закричав, он промчался мимо милиционера в свою комнату, к маме, но, добежав, в комнате рухнул на пол без сознания.

Хозяева, муж и жена, отчитали своего родственника, да так, что даже он при всей своей твердолобости понял, что задерживаться в гостях, хоть и у близких родственников нежелательно. Он ушел, а мать Насиба с хозяйкой, приведя в чувство мальчика, еще долго успокаивали его, хозяин дома, давно старавшийся над подарком малышу, как раз закончил мастерить его, и подчеркнуто-торжественно преподнесо искусно выструганную саблю, сопроводив свой дар, короткой фразой:

- Вот тебе оружие! Кто тебя обидит - отвей!

Примерно через год после этого события с Насибом стала происходить удивительная и не очень приятная ме-

валось на всех милицейских (в то время) участках города среди фотографий отбросов общества - воров, насильников, квартирных грабителей и прочих мазуриков. В то время умерла его мать, умерла молодой, ей не было еще и сорока пяти лет, но узнав эту скорбную весть, Насиб нимало не скорбел, а вспомнил мать как некую силу, что с самого детства ограничивало его свободу вместе с отцом. Смутные, туманные воспоминания из детства пронесли перед глазами, когда он укладывался спать в воровской малине в пригороде, куда привел его новый подельник, но никаких чувств они не пробудили в дремавшей юной его душе, он затоптал ногой окурок на земляном полу незнакомого сарая, встряхнул головой, словно отбрасывая всякие ненужные сентиментальные воспоминания и лег спать, накрывшись новым, недавно украденным из богатой квартиры плащом - хорошая навodka была, повезло, и бабки приличные взяли, подумал он еще, прежде чем сон окончательно окутал его сознание.

Как-то до сих пор Насибу удавалось ускользать из мозолистых лап закона (видимо, не совсем мозолистыми, как некогда были эти лапы, немного скользкими были эти лапы, неохотно ловили то, что ловить было не очень-то выгодно, отыгрываясь на хозяевах - в те годы их называли заведующими, но принципиальной разницы не было: они и были хозяевами - мелких магазинов, в кафе и ресторанах, на многих подобных объектах, что нам и в голову не может прийти, что там можно чем-то поживиться; так что мелкие ворштики и хулиганы вроде Узун Насиба представителей правоохранительных органов не очень интересовали, нет, интересовали, конечно, но не очень), и все таки он чувствовал себя не очень уютно, часто менял место ночевки, даже если, по предположению подельников, в этом не было особой необходимости, но Насиб обладал особым чутьем, нюх у него был на опасности, и он прислушивался к своей интуиции, к своему острому чутью, и ни разу пока не попался в те самые крепкие лапы закона.

Немوتря на осторожность в делах, он все же любил рисковать и не любил подолгу оставаться без дела. И самым громким и прибыльным было совсем недавнее: он с товарищем выследили, высмотрели, разузнав заранее об одинокой женщине, которая собиралась продать свою квартиру в центра города и уехать к сыну в Америку. Наводчик сообщил подельникам эту новость, заверив, что все узнал точно, железно, ему сообщил маклер, что занимался продажей квартиры пожилой вдовы. Они напали на след женщины, стали следить за ней, узнали, когда именно она продаст квартиру, и глубокой ночью, когда все психически нормальные люди кроме квартирных воров спят, открыв бесшумно дверь, прошли к ней в спальню, заткнули ей кляпом

В семнадцать лет Узун Насиб уже находился в розыске и его фото красо-

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ МИРИЕВА

рот и приступили к делу. Женщина держала деньги дома, хоть маклер, почувствовал небольшие угрызения совести и советовал ей положить в банк, но на руках был авиабилет на ближайший рейс и она, никогда не обращавшаяся к услугам местных банков, не захотела создавать перед дорогой лишние хлопоты...

Узун Насиб с поделником, оба в черных масках, связав женщине руки и ноги разорванными кусками простыни, приступили к ней с угрозами.

- Посмотри, что у меня в руке, - сказал с напускной хрипотцой в голосе Насиб, показывая ей финку. - Скажи, где деньги, если хочешь дожить до утра. Голову отрежу и отошлю твоему сыну в Америку, - произнес эти слова, он еле сдержал напавшее на него очень некстати глупое хихиканье.

Вышли они из квартиры (на всякий случай ударив хозяйку кастетом по голове, чтобы она на время отключилась, не создавая лишних проблем), с хорошим кушем, таким, какого давно у них обоих не было, а точнее - никогда не было. Деньги поделили, но осторожный Насиб предупредил товарища:

- Пока не будем тратить, шиковать, понял? Опасно, нападут на след, век свободы не видать... Лучше уедем в район куда-нибудь подальше, отдохнем, а через месяц-другой вернемся...

Товарищ неохотно согласился, но решил наведаться домой и оставить больную матери и сестре немного из добычи. Насиб не стал переубеждать, сказано было им все, что нужно, но дикая ярость охватила его. Подрались, и в драке он случайно убил поделника. Это уже было не мелкое дело, и он понимал, что теперь за него примутся серьезно, схватят и... прости-прошай воля... Прямо здесь, возле агонизирующего, дергающегося тела своего товарища Насиб стал аккуратно считать и пересчитывать деньги; он примерно знал какую сумму следовало ожидать, но впервые в руках держал такие огромные деньги, впервые видел воочию такое количество крупных купюр. Руки дрожали, когда он перекладывал толстые пачки в сумку, попутно соображая, как поступить на первом этапе, где спрятать, потому что носить с собой сумку набитую деньгами, да еще будучи в розыске, да еще прибавив к своим проблемам этот труп под ногами, было неразумно, да попросту невозможно...

Здесь надо сказать, что страна, в которой он изволил жить, существовать, пребывать медленно соскальзывала в смутные, тревожные, кровавые девятые годы прошлого двадцатого века, и полиция, которая одна только по настоящему волновала и тревожила мысли Насиба, потому как до политики, до напряженных отношений своей родины с соседней республикой, пытающейся захватить и отхватить часть - благословенную часть - его отечества, до вооруженных столкновений, до ин-

формационной войны, в которой его родина явно проигрывала, уступая лжи и клевете, тиражируемой на весь мир страной-захватчиком, до погибших своих соотечественников, выгоняемых бандформированиями с родной земли - до всего этого Насибу не было дела и ни малейшей заинтересованности он не испытывал ко всему, что было далеко от его воровских интересов.

Вообще-то полиции в эти дни было не до воршиек и даже не до убийц, тем не менее, осторожный Насиб, спрятав в надежном месте свою добычу, предварительно забрав необходимую по его расчетам на первое время сумму, уехал в дальнейшее село, где никого не знал и где никто не знал его.

Тем временем в его родном городе разворачивались трагические события, были введены российские войска, уничтожавшие мирных граждан, и весь народ стал на ноги, безоружные бросались на танки, погибали в своих машинах и квартирах от шквального огня автоматов солдат, которых всю свою сознательную жизнь считали призванными защищать их от внешних врагов, и весь народ оплакивал погибших своих детей; 20 января девятностого года стало переломным моментом, переломным днем для многих и многих участников кровавых событий на своей Родине.

Насиб был далек от всего этого, как физически далек, так и мыслями. Ничто не шевельнулось в душе его, так же как и в тот день, когда он узнал о смерти матери. Он был занят важным делом: аккуратно обернув саквояж с внушительной суммой в три больших целлофановых пакета, он, выкопав в заранее намеченном надежном месте глубокую яму, спрятал деньги, засыпал яму землей и затоптал сверху, так чтобы ни один мастер по выкапыванию кладов не догадался, что здесь спрятано.

Но странное дело: когда он копал яму, вдруг перед глазами встала несколько размытая временем, как старые блокбастерные фотографии, непонятная картинка: ребенок лет трех-четырёх лежит в кровати, кажется у него температура, да, вот и градусник виден подмышкой, а молодая женщина читает ему что-то из книги, сказки, что ли... Но вот появляется рядом с ней мужчина, она передает ему книгу, и он продолжает чтение с того места, где она остановилась. Ребенок мурлит, видимо у него жар, слушает невнимательно, порой начинает плакать...

Встряхнув головой, отгоняя ненужные и непонятные видения, Насиб завершил свое дело и поминутно пуливно оглядываясь на тщательно утоптаный пятак земли, поспешно удался...

Прошло пять лет, и все эти пять лет Насиб жил беспутно, воровал, дрался, тратил чужие деньги, вел нелегальную жизнь, потому что днем опасался выходить на свет божий... но однажды с ним случилось нечто невероятное, он изме-

нился так, что сам себя не узнавал, часто задумывался о своем прошлом, чего с ним раньше не случилось, и начинал понимать, что с таким прошлым у него нет надежды на будущее...

Написав эти последние слова во фразе, Мириев задумался и пока он думал неизвестно о чем, в голове под музыку модного шлягера вертелись написанные им пессимистические слова, чем-то напоминающие мрачный прогноз: нет надежды на будущее, нет надежды на будущее... Да, веселого было мало, и он это понял сейчас, когда заметил, что новая его вещь, которую он так воодушевленно начал вчера вечером, идет по протоптанной и опасной дорожке его лучших книг, и теперь он хорошо делает, если отложит, не будет продолжать писать... Против ожидания, это откровение огорчило его гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Ничего, подождет, - подумал он, красуясь перед самим собой подчеркнутым терпением, - нам не впервой... Бог подаст...

И правда уже не в первый раз случилось писателю Мириеву в процессе письма, в самом разгаре работы обнаруживать, что раньше, много лет назад на его страницах оживал очень похожий персонаж, что этот герой уже был в прошлой его - и надо отметить: очень удачной и успешной - книге. С тихим ужасом Мириев понял, что он повторяется, что невольно он повторяет свои давние, написанные десять, двадцать, сорок лет назад произведения, с той разницей, что (как он отчетливо помнил) десять, двадцать, сорок лет назад сердце его отчаянно колотилось при работе, когда на него обрушивалось и накрывало его с головой, как в детстве морская волна на пляже, вдохновение, чего сейчас не наблюдалось. Он даже невольно пощупал пульс, чтобы проверить. Нет, прошлое не воскресить, и эти уколы счастья, когда сердце обливалось горячей волной радости от каждой находки в работе, от каждого оживляющего героя штришка, от скорости, с которой приходилось гнаться за мыслями, что одна за другой стремительно пронеслись в голове - только успевай записывать - эти уколы счастья не возникли... Нет, всего этого не было. А было заранее рассчитанное в жизни главного героя, заранее придуманное, именно придуманное, как в сценариях должно быть, а не родившееся спонтанно, как должно быть в прозе: и вот именно в двадцать два года (как нагадала Цыганка) мальчик меняется, из отпетого бандита превращается... И конечно же, поводом для подобной метаморфозы послужила бы как всегда - любовь. Он влюбляется. Но что с ним случается, когда он становится прямой противоположностью себе самому в прошлом, когда не может даже постоять за себя, дать отпор обидчикам? И это он, наживший себе множество врагов? Да... незавидное поло-

жение. А предмет любви, девушка, что она в нем нашла?.. Нет, все-таки что-то в этом есть, надо обкатать, облудать, придумать что-то новое, непохожее на прежние произведения, - размышлял писатель Мириев, сидя в задумчивости перед компьютером, экран которого уже давно погас.

И вдруг на этом темном экране неожиданно за спиной Мириева возник человек, которого писатель тут же узнал, несмотря на свой рассеянный, задумчивый взгляд. Мириев встретился испуганно, резко обернулся навстречу незнакомому гостю.

- Что ты там накалякал про меня? - бесцеремонно и грубо спросил гость, не здороваясь, схватив Мириева за плечо. - До сих пор все шло неплохо, это была моя жизнь, и я сидел и помалкивал, но вот ты вздумал чуть ли не женить меня, придумал, что я влюбился и изменился... Писатель, бля... Где ты набрался такого идиотизма? Что за девчонку припел? Я этих бледней трахану пачками когда захочу, и что, теперь она изменит мою жизнь!? Только попробуй, ублюдок!..

- Да я еще не все продумал до конца, - стал оправдываться Мириев. - Это пока, можно сказать, болванка...

- Я тебе такую болванку покажу - не обрадуешься, век воли не видать, - сказал уже более спокойным тоном гость, бросил взгляд на монитор. - А что это такое?

- Это? Компьютер...

- А-а... Слышал. А на машинке уже не пишут?

- Нет. Это гораздо удобнее, - сказал Мириев. - Все дело в том, что ты живешь в прошлом веке, а сейчас двадцать первый век, две тысячи двадцать второй год...

- Фьююю! - присвистнул молодой человек.

- Да, и многое произошло, - не вдаваясь в подробности, продолжил Мириев, но вдаваться пришлось.

- А что именно произошло? - настойчиво спросил гость.

- Ну, из последних событий мы победили в сорокачетырехдневной войне и...

- Ну и писал бы об этом, зачем было меня вытаскивать на свет божий?

- Затем, что мне интересны такие типажки, как ты, я хочу понять, что с ними происходит, когда они меняются, становятся другими людьми... Понял?

- А зачем мне меняться? Мне и так неплохо.

- А затем, что в каждом заложено и плохое и хорошее начало, и мне хочется, чтобы хорошее победило. Ну, это так схематично я тебе объясняю...

- Вот я схематично и понимаю. Не надо меня менять, понял, мне двадцать два года и мне нравится моя жизнь, понял?

- А это уж как получится, - ответил Мириев.

(Продолжение следует)